

ПРАВОСЛАВИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ: НАПРАВЛЕНИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВА*

ПАТРИАРХ ВЕЛИКОЙ АНТИОХИИ
и Всего Востока ИГНАТИЙ IV

Выступление Патриарха Игнатия на богословском факультете Афинского университета 19 апреля 1991 года.

С 10 по 16 мая 1997г. в Санкт-Петербурге фирма «Иматон» провела третью международную конференцию «Психология и Христианство: путь интеграции». На конференции выступил ректор Санкт-Петербургской духовной академии еп. Константин, был сделан ряд интересных докладов:

Б.С.Братусь (Психологический институт РАО, Москва) – «Христианская и светская психотерапии»;

Ф.Е.Василюк (Психологический институт РАО, Москва) – «На подступах синергичной психотерапии: история упований»;

N.Malony (Фуллеровская Теологическая Семинария, США) – «Человек: христианская экзистенциальная точка зрения как основание для современной психологии»;

N.Malony – «От Галилея до Уайтхеда: продолжение диалога между наукой и религией, его специфика в нашем веке и влияние на психологическое консультирование»;

J.Strenght (Фуллеровская Теологическая Семинария, США) – «Выбор секулярной или христианской антропологической модели и его последствия для практической психотерапии».

Американские участники провели послеконференционные мастерские:

R.Fitzgerald (Национальный Институт Здоровья, Клинический Центр Бефесда, США) – «Психологическое консультирование и психотерапевтическое духовное сопровождение тяжело больных людей: христианская перспектива»;

E.Gassin (Оливетский Назарейский Университет, США) – «Пси-

* Перевод с французского текста, опубликованного в приложении к бюллетеню SOP – Document 158.A. Подзаголовки даны редакцией SOP.

хология Прощения»;

N.Malony «Депрограммирование людей, пострадавших от сект»;

J.Strenght «Помощь детям, переживающим горе: практические психотерапевтические методы».

Редакция Московского психотерапевтического журнала предложила участникам конференции прислать нам материалы, которые мы надеемся опубликовать в спецвыпуске по христианской психотерапии.

Конференция показала наличие обоюдного, хотя и асимметричного интереса между представителями христианских церквей, с одной стороны, и профессиональной психологией, с другой.

Если церковные деятели заинтересованы прежде всего в практическом участии психологов в разных формах социальной активности церкви и в образовательных психологических программах для будущих пастырей, то у психологов (особенно отечественных) силен философский интерес к христианскому учению, который выражается в попытках положить христианскую антропологию в основание теории психологии и практики психотерапии.

Идя навстречу этому интересу, редакция публикует текст современного православного богослова, патриарха Антиохийского Игнатия, в котором на богословском уровне освещаются темы чрезвычайно важные для современной психологии, которая выглядит философски растерянной и рада нащупать под ногами плодотворную онтологическую почву.

Вот только некоторые из тем, с которыми психолог ежедневно встречается в своей практике и в попытках теоретического осмысления этой практики: сексуальность, гедонизм и индивидуализм, New Age, медитация.

Психология не может ждать от богословия готовых ответов на свои специальные вопросы, она должна вырастать из собственной профессиональной глубины и своих особых встреч с реальностью, но если она хочет быть не психологией «уха, горла, носа», а психологией человека, то ей важно находиться в поле глубинного диалога с богословием.

РИСК СОВРЕМЕННОСТИ

Православные часто испытывают перед современностью страх. Она представляется им навязанной извне – грубым и жестоким вмешательством Запада, искаженного ересью. Не без отчаяния они видят, как культуры, в той или иной мере вдохновленные их верой, и вообще все искусство жизни рушится под натиском ничем не ограниченного техницизма, индивидуализма, деструктивного для традиционных сообществ, а также гедонизма, порой столь неистового и грубого, что, кажется, он должен заставить человека забыть о своем вечном предназначении.

Действительно, современность связана с нигилизмом и с той пустотой, куда низвергается новое идолопоклонство, символы которого – иллюзорность, рынок, эротизм и наркотики. Действительно, современность, которая материально объединяет в одно целое всю планету, кажется неспособной сколько-нибудь справедливо распределить ресурсы и принять

культурное многообразие, о чем свидетельствует противостояние Севера и Юга, а конкретнее – Запада и Ислама. На Севере люди гибнут из-за потери смыслов, на Юге – из-за отсутствия воды и пищи, а также всеми признаваемого достоинства. Вместе с этим леса и моря отравляются, и установка на «сохранение творения» оказывается скомпрометированной.

В то же время было бы очень опасно замечать только эти аспекты современности – явления весьма сложного и разнородного. Современность сама постоянно ставит себя под вопрос и не перестает искать. В ней есть немало следов, указывающих на ее античное и библейское происхождение.

Само дерзновенное исследование Вселенной, от бесконечно малого до бесконечно большого, имеет своим началом одновременно и созерцательную рациональность античного эллинизма, и библейское понимание пронизанного божественной Премудростью творения, которое было отдано под власть и ответственность человека, в самом начале призванного Богом «наречь имена животным».

Уважение к другому, свобода духа, лучшие черты плюралистической демократии укоренены в евангельском откровении личности и в освобождающем различении, сделанном Иисусом между Царством Божиим и царством кесаря.

СОЗНАНИЕ «ЕДИНОГО НА ПОТРЕБУ»

Таким образом, нам, христианам, современность совсем не чужда, и мы должны делать усилие, чтобы переориентировать ее изнутри. Я употребляю слово «переориентировать» (re-orienter) и в буквальном смысле, ибо если чего и недостает современности, так это ее Востока (Orient)!

Поясню свою мысль. В XV веке великие византийские гуманисты нашли прибежище в Италии и во Франции и дали решающий импульс Ренессансу. Но богословие и духовная практика, связанные с понятием божественных «энергий», излучаемых Воскресшим, чтобы преобразить вселенную, остались тайной восточных монахов, а под оттоманским владычеством утратили потенции культурного созидания – так, как они проявились, например, в творениях св. Николая Кавасилы и Феофана Грека. В результате современные наука и техника, порожденные эллинизмом и Библией, оказались отвергнутыми христианством, которое стало акосмичным, и подпали под власть «иных духов».

Так же и дивное патристическое видение *бытия как общения*, как ипостаси, осуществляющей свою уникальность в единении по образу Божественного Троиинства, было утрачено за время долгого «вавилонского пленения» православного богословия, если использовать знаменитое выражение о. Георгия Флоровского. Вследствие этого на Западе динамизм личности и свободы утратил онтологическое измерение любви и слишком часто оборачивался индивидуализмом.

«Переориентировать современность» – для нас, православных, это означает смело нести двойное свидетельство: о божественных «энергиях» и о *личности в общении*. Тем самым девизу Всемирного Совета Церквей

«Мир, справедливость и сохранение творения» мы сможем придать содержание собственно богословское и подлинно духовное – в перспективе творческой духовности.

Но **свидетельствовать** мы сможем, только свободно и ясно сознавая, что наша Традиция – это не просто ностальгическое повторение прошлого, но **творческая верность**. Владимир Лосский говорил, что истинное Предание есть жизнь Святого Духа в Теле Христовом и что Святой Дух является также и критическим духом Церкви. В своих лучших проявлениях современная цивилизация – это беспокойство, вопрошание, диалог, гипотеза. Она действительно во многом совпадает с нашим взыскательным Преданием и побуждает нас к тому осознанию времени, о котором я говорил. Друзья, мы вступаем в эпоху, когда уже ничто не будет происходить само собой, когда вера не устоит без осмысления веры, ибо, по слову Николая Кавасилы, «целый человек состоит из сознания и свободы».

ОТВЕЧАТЬ НА «АРГУМЕНТ ЗЛА»

Среди самых насущных задач свидетельства я выделил бы две наиболее важные: с одной стороны, отвечать на доводы зла – от Книги Иова до «Братьев Карамазовых» – и на провокации «театра насмешки», восстанавливающего нас против Бога и побуждающего к Его отрицанию; с другой стороны, быть внимательными к современному **неоязычеству** – не столько ради того, чтобы его проклинать, но чтобы его преодолеть через углубление нашей веры, по примеру св. Иустина (II век), различавшего во всем «семена Слова».

Нам говорят: «Вы утверждаете, что ваш Бог всемогущ, и однако мир представляет собой абсурдистский хаос; вы утверждаете, что Он благ, и однако для бесчисленных осужденных Он приготовил вечную камеру пыток. На всем протяжении истории вплоть до сего дня люди убивают друг друга во имя Бога. Вы говорите, что Бог милосерд, а нам кажется, что Он, напротив, провоцирует жестокость и ненависть». Французский философ Рене Жиран не без основания сближал насилие и сакральность; каждое общество цементируется через отвержение какого-либо «козла отпущения», каждое сообщество функционирует благодаря механизмам исключения, которые охотно проецируются в вечность!

Скажем определенно: пора покончить с этим образом «дьявольского Бога», порожденным, с одной стороны, старческими систематизациями св. Августина, а с другой, искаженной проекцией тревоги, потребностью в мщении или жаждой компенсации в том числе и так называемых православных христиан (увы!), одержимых стремлением к недостижимому могуществу. Наш Бог есть Бог Распятый. Создавая другие свободы – человека и ангела, Он вступил в трагическую историю любви, а затем был исключен из сотворенного Им мира и стал «царем без града», по выражению того же Николая Кавасилы. Ему чужда идея зла, и его Лик истекает кровью во мраке – до тех пор, пока «да» какой-нибудь женщины (Лк 1, 38) не позволит Ему войти в сердце Своего творения, чтобы его восстановить,

воссоздать и соединиться с нами во тьме смерти и ада – чтобы все наполнить Своим светом и вырвать человечество из состояния зачарованности небытием, открывая ему пути к Воскресению.

Распятый Бог не имеет ничего общего с властью тиранов или стихий. Он может действовать лишь как прилив мира, света и любви, то есть действовать через сердца, свободно открывшиеся Ему – по образу Богородицы. Он – не Бог «священных войн» и крестовых походов; Он – Бог животворящего Креста. И благая сила Воскресения нисходит на нас всякий раз, когда мы отождествляем наш крест – с Его Крестом, наши раны – с Его язвами, из которых исходит Его свет.

Между религиями, конечно же, существуют различия и даже противоречия. Однако эти различия и противоречия не должны быть поводом для вражды, но – для дружбы. Мы можем восхищаться всеми теофаниями (богоявлениями), поскольку мы знаем, что Христос все их «рекапитулирует» – собирает в себе и превосходит, как говорили св. Иринеи Лионский и преп. Максим Исповедник. Мы можем видеть во всяком человеке лик нашего Господа, потому что знаем, что все создано посредством Логоса – Слова Божия и воссоздано через Его Воплощение. Следовательно, пытаться жить во Христе – это значит включать в свою молитву, в свое служение и в свою любовь все человечество.

И так мы поймем, что невозможно поставить предела надежде, ибо это означало бы поставить предел Воскресению, как говорит преп.Исаак Сирий, иракский монах, труды которого, переведенные в IX веке на греческий язык, оказали глубокое влияние на афонскую и русскую духовность. Молитва о всеобщем спасении – одна из драгоценностей высочайшей православной святости. Ибо спасаются не в одиночку, но в великом потоке жизни сообщества святых, где обратившиеся сердцем мытари и блудницы предшествуют многим фарисеям...

НЕОЯЗЫЧЕСТВО И УГЛУБЛЕНИЕ ВЕРЫ

Второе, о чем я хотел сказать, – это необходимость быть внимательными к современному неоязычеству, чтобы преодолевать его путем углубления нашей веры. Распространяющаяся сегодня новая «духовность» принимает чрезвычайно размытые формы – от оккультизма и магии до весьма тонких типов гностицизма – и начинает кристаллизоваться в мистическом движении, получившем название *New Age*. Эта духовность кажется антихристианской, но разве христианство, которому она себя противопоставляет, не является слишком часто выродившимся, не сводится ли оно к сентиментальному пиетизму и злобному морализму манихейского толка?

Остановимся на трех основных темах этого двусмысленного «возврата к религиозному»: на космосе, эросе и преобразующей (сознание) медитации.

Плутарх говорит о великом вопле, пронесшемся над морем: «Умер великий Пан! Умер великий Пан!» Создается впечатление, что сегодня он

возрождается. Молодые девушки, ожидающие возлюбленного, генеральные директора, нанимающие служащих, вопрошают звезды и изучают знаки Зодиака. Провозглашается наступление эры Водолея. Люди ухаживают за своим телом в соответствии с космическими ритмами. Превозносится контакт с морем, горами или снегом. Хайдеггер, созерцая молчаливый рост дерева, прославляет тайну бытия. Поэты ищут в красоте мира новые имена божественного, азиатские религии учат нас видеть в космосе теофанию. В нынешней Германии экологическое движение и буддизм объединяются в стремлении более не господствовать над природой, но раствориться в ней – древняя мечта пантеизма!

Таким образом, во всем христианском мире только Православная Церковь сохранила литургическое и мистическое видение природы. Воскресший Христос таинственно преображает Вселенную, и отныне Бог присутствует в мире не только как его причина, но и «энергетически» – Своими энергиями. В Евхаристии реализуются сакраментальные потенции материи: «Я поклоняюсь не материи, – говорит преп. Иоанн Дамаскин, – я поклоняюсь Богу, ради моего спасения ставшего материей». Аскеза делает возможным «созерцание Славы Божией, сокрытой в сущем» – в существах и вещах. Вселенная – это *logos alogos*, бессловесное слово, говорит Ориген, и мы можем во Христе – воплощенном Логосе – осмысленно прославлять Бога. Призвание человека, который является священником жизни, священником мира, – приносить в дар Богу **логосы вещей** в великой воссоединительной жертве Христовой.

В новую эпоху эта плодотворная идея была затемнена или же истолкована в чисто монашеской перспективе. Мы должны вернуть ей культурную и социальную значимость и оплодотворить ею экологическое мышление. В начале века это пытались сделать великие русские «софиологи». Их концепции были не совсем удачными, но они напомнили нам о важности библейского образа Премудрости, особенно в 8 главе Книги Притч. В этом таинственном образе Бог и Его творение как бы созерцают друг друга, ибо Премудрость есть в одно и то же время и проявление Божественного, и тайная «форма» твари. (Именно в этой перспективе мной написана небольшая книжка под названием «Спасти творение».)

ЭРОС И ЛИЧНОСТЬ

В сегодняшней ситуации очевидным образом происходит обострение конфликта между Христом и эросом, словно они являются двумя противоборствующими божествами. Конечно, в истории христианского мира подозрительное отношение к эросу (сведенному к сексуальности, хотя он и является чем-то гораздо большим) на протяжении долгого времени было оправдано необходимостью защитить полноту откровения о личности против родового начала и тяги к безличным экстатическим слияниям. Надо было утвердить понимание женщины прежде всего как личности, а не просто воспроизводительницы рода, равно как и понимание соединения с Богом как общения, символом которого является любящая верность, а не ми-

нутная эротическая экзальтация. Монашество сделало акцент на трансцендентности образа Божия в человеке – в противовес силам биологической жизни.

Вместе с тем постепенно эрос все больше становился не столько предметом преобразования, сколько отвержения. Следствием этого и было восстание жизни. Удивительные открытия и новации конца XIX века слишком быстро привели к фрейдовскому представлению о праве женщины господствовать над своим порождающим началом. Завороженная небытием современность превозносит эротизм – как праздник плоти и как поиск утраченного *другого* в одно и то же время... Афродита возрождается из морской пены, истинная богиня Жизни, сверкающая и блистающая, но при этом абстрактная и анонимная, как стюардессы на туристических рекламках.

Однако и здесь мы должны искать пути к единению и преодолению. Я вспоминаю прекрасные комментарии Христоса Яннараса на *Песнь Песней*. Истинное христианство не боится ни жизни, ни любви – бедной, великой и благородной любви между мужчиной и женщиной. Истинное христианство говорит о **смысле** любви, оно включает эрос в пространство **встречи личностей**. И тогда сексуальность больше не связывается ни с отвращением, ни с очарованностью, но становится языком общения. В конечном счете сексуальности как таковой не существует: есть только встреча, требующая взаимного уважения, и своего рода взаимообмен двух «душ живых», если говорить языком Библии.

Во всем этом нет ничего, что противоречило бы монашеству. По существу монашеская жизнь, когда она является браком Христа и души, есть исполнение и завершение эроса. Я – старый монах; каждый раз, когда я беру на руки младенца, я испытываю радость старца Симеона, взявшего на руки младенца Иисуса. И я утверждаю: то, что символизирует супружеская чета, свершается в монашестве.

ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ МЕДИТАЦИЯ

Еще одной составляющей современного гностицизма, которая принуждает нас углублять нашу веру, является т.н. «преобразующая медитация». Многие интеллигенты и люди, занимающиеся хозяйственной и социальной деятельностью, испытывают потребность в тишине и покое. Они обращаются к методам сосредоточения Индии и Дальнего Востока – йоге, дзену, трансцендентальной медитации, которые представляются им подлинно экспериментальной наукой о внутреннем мире человека. Так им порой удается отвлечься от повседневной суеты и достичь некоторой внутренней концентрации, как бы обрести «сознание своего сознания». Однако на этом пути человека подстерегает гностическая гордыня, гипертрофия своего «Я», которое люди смешивают с восточным «Я»; и, даже если они достигают искомого сосредоточения, в данном случае мы имеем дело с безличностной концепцией божественного, согласно которой *другой* – не более чем средство и, в конечном счете, иллюзия.

Православным ответом на это должно стать новое обретение и актуализация великого духовного наследия исихазма. Исихазму известны технические приемы, подобные азиатским, которые являются средством освобождения от «страстей», очищения ума от «помыслов», соединения ума и сердца; при этом используются различные телесные позы и физиологические ритмы, например, дыхания. Но если индусский аскет погружается и постепенно растворяется в светоносной бездне «Я», отождествляемого с абсолютном, исихастский аскет обнаруживает, что свет этот исходит из личностного источника – бесконечно близкого и вместе с тем неприступного. Это тот «эпектасис» (напряженное устремление), о котором говорит св. Григорий Нисский, когда **единение и инаковость** взаимно усиливаются – ведь эпектасис вписан в самое сердце Троицы.

Христианская духовность – «отделенность от всего и соединенность со всем», как говорит Евагрий Понтийский, – направляет на путь смиренного служения ближнему. Медитация не замыкается на себя самое, но становится молитвой, то есть «разговором», **отношением**. «Молитва за гранью молитвы» дает нам предошущение Безмолвия, «этого таинства будущего мира», однако это – Безмолвие Отца. Отец **говорит** и посылает Свое **Слово**; Слово посылает на служение апостолов, апостолы – епископов, и так вся Церковь оказывается посланной нести свидетельство любви. Последнее слово христианского гнозиса – именно в любви, ибо «истинное познание Бога есть Иисус Христос, как говорит св. Игнатий Антиохийский.

СООБЩИТЬ СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЧУВСТВО ЦЕРКВИ, А ЦЕРКВИ – ЧУВСТВО СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Сегодня, в ситуации исторических разрывов, упраздняющих ориентиры и ценности, многие ищут «духовного», но при этом отворачиваются от Церкви – как от структуры устаревшей, маниакально застывшей в своих обрядах, превратившейся в препятствие, отделяющее человека от тайны. «Разве вы не знаете, что церкви – это гробницы Бога?!» – восклицал Ницше.

Если христиане Запада слишком открылись миру, то для христиан Востока характерна другая тенденция – к маргинализации, отделению себя от мира, к тому, чтобы заключить себя в чудесно украшенную гробницу. Воистину мы достигли Великой Субботы истории, и из этого гроба может воссиять Воскресение. Но как это возможно? Моя забота, наша постоянная пастырская забота в том и состоит, чтобы вернуть современному человеку смысл и чувство Церкви, а Церкви сообщить смысл и чувство современного человека.

Церковь есть Тело Христово, Дом Отчий, Храм Святого Духа. Церковь – евхаристическая чаша, из которой изливаются сила и радость Воскресения – «ради жизни мира». Через Церковь Христос, средоточие космоса и истории, присутствует среди нас всякий раз, когда Церковь являет себя как общение свободных людей, верных и творческих. Необходимо сде-

лать это ясным и очевидным. Укажем некоторые конкретные пути к этому.

«ГОВОРЕНИЕ НА ЯЗЫКАХ», КОТОРЫЕ ВОСХИЩАЮТ, НО НЕ НАЗИДАЮТ

Обыгрывая два достаточно похожих латинских слова, можно сказать, что Церковь в своем богослужении должна быть одновременно и *lumen*, и *myster* – то есть являть и смысл, и тайну. Православная Церковь доводит до предела «нуминозный», таинственный аспект богослужения: Церковь как «небо на земле», как мир символов, умиротворяющих и просвещающих все способности и чувства человека. Но повторю еще раз: в наше время, как никогда, ничто не происходит само собой. Может ли «нумен» быть действенным без «люмена», то есть без осмысления, разумности?

Святой апостол Павел пишет в Послании к Коринфянам: «В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор.14: 19). Но разве наше богослужение не становится зачастую «говорением на языках», которые восхищают, но не назидают? Когда религиозность сводится к эмоциям, к своего рода эстетике, тогда вера больше не просвещается разумом, а разум не оплодотворяется верой – и Церковь обособляется, оказывается чуждой всей культурной, научной и технической жизни нашего времени.

Эти вопросы требуют особого пастырского внимания. Византийская литургия остается удивительным памятником. Множество наших литургических текстов обладают очевидной богословской и духовной силой: они отмечены печатью Духа, который сообщает им значимость вне зависимости от культурного контекста, в котором они были созданы. Однако некоторые тексты несут на себе груз прошлого, говорят языком проклятий или языком империй, которые нам уже давно стали чуждыми (в том числе и нам – антиохийцам).

Почему же литургическое творчество, которое на протяжении столетий было обильным, избыточным, даже противоречивым (например, появление «канонов» привело к забвению большей части «кондаков»), – почему это творчество прекратилось в конце первого тысячелетия, если, конечно, не учитывать позднейших, подчас механических и «риторических», подражаний, которые мы находим в Минеях? Не обладает ли каждая эпоха правом и даже обязанностью внести свой вклад в общее наследие? И в особенности наше время, одновременно трагическое и приводящее самими своими трагедиями к «единому на потребу», – не должно ли оно, с одной стороны, освободиться от некоторых «мертвых ветвей» нашего литургического наследия, а с другой – обогатить его несколькими прекрасными текстами, простыми и ясными, без чего мы рискуем потерять многих наших верующих, которые иначе уйдут от нас в секты?

Прекращение литургического творчества означает прекращение церковного истолкования, предлагаемого народу. Не следует ли нам вернуться к такому истолкованию и использовать для этого громадные достижения

современной экзегезы¹ – конечно, при сохранении традиционного символического и типологического видения?

И первым условием для всех этих усилий не должно ли стать осовременивание литургических языков – согласно фундаментальному, но основательно забытому принципу нашей Церкви?

ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ

Православная экклезиология² есть экклезиология общения, экклезиология евхаристическая. Церковное бытие – это участие, через Христа и во Христе, в тринитарном общении. Но чего стоит это богословие, если практика ему не соответствует? В Новом Завете слово «иерей» (*hiereus*), обозначающее в Септуагинте³ священника, применяется исключительно ко Христу и ко всей совокупности народа Божия, составляющего Его Тело. Поэтому существенным является то, чтобы все верные чувствовали во время литургии, сознавая себя со-служителями, и чтобы они слышали большинство молитв, ставших «тайными»; чтобы они скрепляли эпиклезис (призывание Святого Духа) своим «аминь» и без колебаний регулярно причащались.

С этой целью чрезвычайно важно полностью переосмыслить таинство покаяния – таинство примирения. Говорят, что молодежь «утратила смысл греха». Это действительно так, если понимать грех прежде всего как сексуальную одержимость, то есть скорее в викторианском или янсенистском, чем в православном духе. Но поговорите с молодыми людьми о тревогах, о ностальгии, об отчаянии, о наркотиках, об искушении самоубийства, о социальной несправедливости в городах, где они живут, равно как и на всей планете, о войне или экологических катастрофах, и вы узнаете, есть ли у них чувство греха!

Вот почему мы должны разорвать магическую связь, которая благодаря нам образовалась между таинством покаяния и таинством Евхаристии. Нужно устраивать специальные покаянные обряды для того, чтобы объяснить, что есть действительно грех. Наконец, нужно, чтобы духовники – их немало в греческих монастырях – шли в города ради осуществления там харизматического и освобождающего духовного отцовства. Конец христианства страха должен быть обозначен приходом христианства призыва и ответственности.

НОВАЯ ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ

В заключение нужно сказать, что наша первейшая задача – это **новая евангелизация наших общин**. Православное богословие не без основания делает столь сильный акцент на святости, составляющей опору Церкви, ибо опыт святости указывает нам на необходимость **постоянного обращения** к Господу – для каждой личности и всех членов Церкви, а прежде все-

¹ *Экзегетика* – богословская дисциплина, занимающаяся толкованием текстов, прежде всего текстов Священного Писания.

² *Экклезиология* – учение о церкви.

³ *Септуагинта* – древне-греческий перевод Ветхого Завета, выполненный иудеями в Александрии в III-I вв. до н.э.

го епископов и патриархов.

С этой точки зрения, последние годы были отмечены двумя значительными событиями: покаянием некоторых епископов в странах Восточной Европы, с одной стороны, а с другой – после веков ненависти и оскорблений признанием нашего глубокого единства в вере с нехалкидонцами⁴ и принятием решения о снятии анафем, которым мы их предали.

Постичь, что есть полнота Церкви, можно только в эсхатологической перспективе. В трудном исходе истории сила жизни, единства, святости, которая заключена в Теле Христовом, должна непрестанно выявляться и как бы вновь изобретаться в Духе Святом и в свободе – всегда через новые усилия покаяния и творчества. И тогда мы избавимся от страха и боязни. Мы войдем с открытым и свободным сердцем в пространство Богочеловечества.

Все опыты божественного и опыты человеческого, нас захватывающие, таинственно свершаются Духом и сходятся ко Христу, который пришел, чтобы все «возглавить», ибо «Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (Кол.1: 16).

Религиям чистой трансцендентности мы будем говорить о Воплощении. Религиям растворения в безличном мы будем говорить о Божественном Троиединстве. Гуманистам атеистического толка мы напомним, что человек был бы ничем, если бы он не был – по ту сторону своей обусловленности – загадкой, возможно – иконой! Всем – и прежде всего самим себе – мы будем напоминать, что христианство возвещает Слово, ставшее плотью для того, чтобы плоть стала Словом. Это – видение Богочеловечества, раскрытое в халкидонском догмате, который прекрасно интерпретирует митрополит Пергамский Иоанн: ни «разделение», которое есть свобода без любви, ни «слияние», которое есть любовь без свободы.

Пусть восстанут люди, прошедшие опыт Пасхи, – умершие и воскресшие во Христе. Разочаровавшимся как в революции, так и в потребительстве они укажут путь не к отступлению, но к Воскресению; они укажут путь созерцания, которое не означает самоизоляцию, но воплощается и потрясает основания истории; они укажут путь неутомимой борьбы в смирении, которая, будучи направляемой великим дыханием Духа, становится непреодолимо творческой. Ибо Воскрес Христос!

Перевод А.И.Кырлежева

*Редакция Московского психотерапевтического журнала благодарит
«Церковно-общественный вестник»
за любезное разрешение перепечатать этот перевод, опубликованный в № 15 Вестника 8 мая 1997г.*

⁴ Христианские церкви, не принявшие определений Четвертого Вселенского Собора в Халкидоне.